

— Цинь Чу! Опять ты! — «Бог» выбежал из комнаты, пылая гневом.

Цинь Чу моргнул и невинно сказал:

— Тётя, я опоздал.

Лицо Цинь Чу было приятным, и, если он не смотрел слишком холодно, в его взгляде всегда проглядывало очарование.

Часть демонических генов Цинь Шиу досталась именно от него.

Когда он притворялся послушным, он никогда не подводил.

Дежурная выбежала из комнаты у входа, намереваясь строго наказать Цинь Чу.

Если имя опаздывающего студента попадало в список дежурной, его ждало публичное порицание на утренней линейке в понедельник — для короля понтов это было настоящим позором в биографии!

Однако, как только дежурная увидела лицо Цинь Чу, её гнев наполовину утих.

К тому же Цинь Чу недавно освоил новый навык — умение кокетничать. Он улыбнулся дежурной, и его клыки слегка обнажились. Дежурная сразу же почувствовала прилив материнской любви, и её голос стал на несколько тонов тише.

— Почему так поздно вернулся?

Цинь Чу:

— В следующий раз такого не повторится, тётя. Простите меня в этот раз.

На самом деле, дежурная уже прощала Цинь Чу бесчисленное количество раз.

Но у Цинь Чу всегда находился новый «следующий раз».

Как только он начинал просить пощады, дежурная оказывалась в затруднительном положении.

Через некоторое время она строго посмотрела на него и сказала:

— Последний раз! Если в следующий раз ты так поздно вернёшься, я обязательно запишу твоё имя!

Цинь Чу тут же начал «агакать» в ответ и, забрав Лу Туна, вернулся в комнату.

Как и сказала дежурная, они вернулись действительно поздно.

Вечерние занятия в международном отделении уже закончились, и даже студенты из обычного отделения, живущие в международном корпусе, начали возвращаться.

К счастью, комната 1201 находилась в самом конце коридора, и, хотя Лу Тун в пьяном состоянии был непрестым, он хотя бы не орал на весь коридор.

Открыв дверь комнаты, Цинь Чу положил Лу Туна на кровать.

Он облегчённо вздохнул.

Лу Тун был не тяжёлым, но его постоянные движения изрядно вымотали Цинь Чу. Он потратил немало сил, чтобы дотащить его сюда.

Цинь Чу собирался включить свет, но, как только он это сделал, Лу Тун, лежащий на кровати, возразил.

По принципу ближайшего расположения и благодаря некоторой необъяснимой силе, Лу Тун сейчас лежал не на своей кровати, а на кровати Цинь Чу.

Яркий свет раздражал его, он перевернулся, натянул на себя одеяло Цинь Чу и накрылся с головой.

Цинь Чу немного подумал и, в конце концов, выключил верхний свет, оставив только ночник у кровати.

Когда Лу Тун тянул одеяло, он случайно стянул с кровати игрушку — Агумона.

Она мягко ударила его, и он наконец открыл глаза.

Цинь Чу смотрел на него сверху вниз, и их взгляды встретились.

Лу Тун редко выглядел так беззащитно.

Цинь Чу получил редкую возможность посмеяться и наслаждался зрелищем.

Обычно Лу Тун, даже спя в одной комнате с Цинь Чу, держался с достоинством, соблюдая границы. Он был очень щепетилен, ложился спать и вставал в одно и то же время.

Словом, он никогда не выглядел так, как сейчас — с растрёпанными волосами, торчащими в разные стороны, и расфокусированным взглядом, полным растерянности.

Его губы, всё ещё влажные после выпивки, блестели под светом ночника.

Этот вид... вызывал желание немного его подразнить.

— Тебе лучше меньше пить, — после долгого разглядывания Цинь Чу сделал вывод.

Он мысленно добавил: По крайней мере, не пей при других, иначе, с таким видом, тебя рано или поздно утащат и заставят рожать.

Лу Тун долго смотрел на него, а потом мягко сказал:

— Я не пил.

Цинь Чу поднял его с кровати:

— Сначала переоденься, потом спи.

Но Лу Тун не хотел.

Как только Цинь Чу потянулся к его руке, он тут же напрягся, широко раскрыв глаза, и пополз в угол кровати.

— Я хочу спать, не мешай мне! — Он сердито посмотрел на Цинь Чу.

Только вот взгляд пьяного человека не имел никакой угрозы.

Цинь Чу не стал обращать на это внимание, легко поднял его и «доставил» в ванную.

Цинь Чу, к своему удивлению, научился заботиться о других. Он выдавил зубную пасту на щётку, налил воды и поставил перед Лу Туном.

— Умойся.

Лу Тун, словно тряпичная кукла, начал сползать с раковины, явно намереваясь уснуть прямо в ванной.

Цинь Чу быстро подхватил его и, подумав, понял, что не стоит ожидать, что Лу Тун сможет сам собраться с силами. Он поднёс щётку к его рту.

— Открой рот.

Лу Тун безучастно смотрел в зеркало.

Цинь Чу терпеливо повторил:

— Я сказал, открой рот. А-а — вот так, понял?

Лу Тун:

— А-а...

Цинь Чу удовлетворительно кивнул и вставил щётку ему в рот.

— У-у! — В следующую секунду Лу Тун внезапно сжал зубы, сохраняя каменное выражение лица, и крепко укусил щётку.

Цинь Чу: ?

— Отпусти!

— У-у!

Цинь Чу попытался вытащить щётку, но Лу Тун держал её мёртвой хваткой.

— Зачем ты кусаешь щётку? Не умеешь чистить зубы?

Лу Тун упрямо не отпускал.

Цинь Чу не ожидал, что в пьяном состоянии он будет так буянить, и теперь серьёзно смотрел на торчащий изо рта кусок щётки, погрузившись в раздумья.

Мягкие методы не сработали, оставалось только применить силу.

Лу Тун не хотел отпускать щётку, поэтому Цинь Чу схватил его за подбородок и слегка надавил.

Он был значительно выше Лу Туна, и, когда он делал это, Лу Туно приходилось смотреть на него снизу вверх. В зеркале это выглядело так, будто они были влюблённой парой, готовой к поцелую.

«Влюблённый» Цинь Чу не отличался галантностью, действуя быстро и решительно. Лу Тун почувствовал боль в подбородке, его брови сдвинулись, и он тут же выплюнул щётку.

Цинь Чу взял щётку и обнаружил, что пасты на ней больше не было.

Он: ...

Скорее всего, Лу Тун её съел — и об этом завтра ему лучше не рассказывать, иначе, учитывая его стеснительность, он может попытаться избавиться от единственного свидетеля в комнате.

Он обернулся, и Лу Тун снова сполз с раковины.

Цинь Чу наклонился, чтобы поднять его, но, увидев его лицо, почувствовал себя неловко.

Вид был нехороший. Верхняя часть тела — ничего, нижняя... тоже так себе!

Оказалось, что паста не попала внутрь, половина её осталась в раковине и была смыта водой.

А оставшаяся часть прилипла к уголку его рта.

Он сидел на полу, невинно глядя на Цинь Чу.

Эта поза...

Этот ракурс...

Выглядело крайне пошло.

Цинь Чу, что было редкостью, покраснел до ушей и поднял его с пола:

— Не сиди на полу, холодно.

Он поспешно взял полотенце, намочил его и начал вытирать лицо Лу Туна.

Лу Тун покорно стоял, пока Цинь Чу вытирал его лицо, и оно стало красным, хотя сам он этого не замечал.

Если бы люди шестнадцать лет спустя увидели Лу Туна в таком виде, соцсети бы взорвались.

Бесконечные «Мама тебя любит» моментально отправили бы его в тренды.

Шестнадцать лет спустя Лу Тун в шоу-бизнесе сохранял холодный и отстранённый образ, был настоящим «цветком на высокой горе». Его фанаты обожали его за то, что он игнорировал людей. Он не участвовал в шоу талантов и не снимался в реалити-шоу, его дебютом стал фильм, в котором звёзды первой величины играли второстепенные роли. Можно было подумать, что он был любимцем капитала. Фанаты восхищались его статусом, зная, что его ресурсы были неслыханными, и быть его фанатом было очень престижно.

Ключевым моментом было то, что в индустрии у Лу Туна были хорошие отношения с различными знаменитостями, даже самые сложные режиссёры улыбались ему. Быть фанатом Лу Туна — это было как ходить по шоу-бизнесу с гордо поднятой головой.

Именно поэтому с момента его дебюта постоянно ходили слухи о том, что у него есть спонсор, и почти каждый год кто-то пытался раскрыть его личность.

К сожалению, за все эти годы они перебрали почти всех известных богачей в стране, но так и не смогли раскрыть Цинь Чу.

Хотя несколько раз они были близки к тому, чтобы заподозрить его.

<http://bllate.org/book/16741/1561534>